

...Расплачусь за все свои ошибки
Звонкою монетою стиха.

С. Мар

Старый Ростов... Сколько легенд, исторических анекдотов, былей и небылиц рассказывают о нём и его жителях! Что-то — правда, в чём-то есть вымысел. Но замечательная фраза Татьяны Комаровой — *«...В мире известно семь чудес света. Ростовчане обнаружили в своём городе ещё, по крайней мере, три чуда. Варшавский университет, который переехал сюда в Первую мировую войну, да так и остался. Красивые девушки — разве это*

не чудо?.. Ростовские старожилы были непоколебимо убеждены и в третьем чуде: все талантливые люди или родом из Ростова, или, по крайней мере, путь их шёл через Ростов...» — лучше всего объясняет происхождение многих легенд и сказаний о Ростове и ростовчанах.

И слава Богу, что ещё не все исторические здания в центре Ростова-на-Дону снесены, и что, гуляя по городу, можно наткнуться на памятные таблички, свидетельствующие о том, что «В этом доме жил Вениамин Жак...», в «этом — Александр Фадеев». А ещё — В. Киршон, А. Бусыгин, М. Шагинян, В. Панова... «Здесь выступал В. Маяковский», а здесь — С. Есенин, В. Хлебников, А. Мариенгоф...

Я прогуливалась по Большой Садовой, центральной улице Ростова, знакомой и любимой с детства, и не узнавала её — так красива она была. У меня как будто открылись глаза. Остановилась около интересного трёхэтажного особняка. Должно быть, ему уже больше ста лет! Дом похож на трёхъярусный торт. Он, весь украшенный тонкой работы лепниной, колоннами, ажурными раскреповками и капителями, был особенно хорош февральским солнечным утром, в снежной кипени, на фоне ярко-синего неба.

— Нравится? — услышала я голос позади себя и вздрогнула от неожиданности. Обернувшись, увидела невысокого старичка в шубе с норковым подбоем, в норковом же «пирожке». В руке он держал изящную трость. Аккуратные очки в тонкой оправе сидели на довольно крупном, но тонком «орлином» носу, немного увеличивая и без того большие карие глаза; едва уловимая улыбка скользила по лицу, тонкий запах дорогого парфюма тоже был едва уловим. — Здесь когда-то жили мои родственники.

— Да что вы! Как интересно! — что-то в этом человеке располагало к беседе.

— *Доброй нянькой баюкает маятник / Времени вкрадчивый бег, / Расплескала ковшом из памяти / Последнюю ночь о тебе...*

Ну, конечно! И почему это со мной происходит? Впрочем, пора бы и привыкнуть — почти каждый встречный-поперечный непременно начинает читать мне стихи. Свои, чужие. Без разницы. Вот и теперь...

— *И уже не видеть, не слышать / Белых рук и серебряных строк, / Только рифмы взвоятся выше, / Словно птицы за душный порог...*

Старичок замолчал, вопросительно глядя на меня.

— Я должна что-то сказать? — спросила я и добавила: — Чьи это стихи? Ваши?

— Вы, сударыня, знаете, чьи это строки. Просто, верно, немного подзабыли. Но ничего, я напому.

Мы всё так же стояли посреди улицы, я начала замерзать. Незнакомец будто понял это, и, легонько дотронувшись до моего локтя, кивком предложил пройтись, между тем продолжая:

— Вы, думаю, заметили, что я — армянских кровей. Мои прадеды переехали сюда два столетия назад из Крыма, обосновались, построили дом в Нор-Нахичевани, завели дело, роднились с другими переселенцами, рожали детей, старались дать им хорошее образование, радовались их успехам... Среди прочих была семья Чалхушьян. А в доме, который Вас привлёк, жил мой двоюродный дядя, Крикор, или Григорий, Хачатурович...

И тут меня осенило: конечно же! Незнакомец читал мне строки Сусанны Чалхушьян. Как могла я забыть?!

— Таким же морозным февральским днём в 1900 году в семье известного нахичеванского юриста, присяжного поверенного, родилась девочка, которую назвали Сусанной. В некоторых современных источниках её ошибочно величают Георгиевной. Но, это, смею заметить, ошибка. Ведь отца звали Крикор, по-русски — Григорий, так что и Сусанночка наша носила отчество Григорьевна! Откуда пошла эта опечатка, не могу сказать. Но в Ваших силах, сударыня, её исправить...

В начале XX века семья Чалхушьян переселилась из Нахичевани в Ростов, в этот самый дом на улице Большой Садовой № 174 (ныне — № 148).

Григорий Хачатурович не ограничивался юридической практикой. Разносторонне одарённый, с активной жизненной позицией, он был общественным деятелем, одним из лидеров кадетов России, публицистом — писал очерки, литературно-критические статьи, театральные рецензии, интересовался историей армянского народа, происхождением городов Ростов и Нахичевань-на-Дону. В семье было восемь детей: Инна, Изабелла, Сусанна, Хачатур, Серафим, Рубен, Степан, Леон.

Сусанна Мар

Думается, что своим литературным талантам Сусанна обязана, прежде всего, своему отцу. Творческая атмосфера в доме привила девочке любовь к книгам, побудила её на поэтические опыты. Неизвестно, как бы сложилась её судьба, если бы не всеобъемлющий крах начала XX века в России. А как ещё можно назвать события, свергшие страну сто лет назад в пучину войн, гражданского неповиновения, политических брожений, ломки «старого» и труднейшего создания «нового»? Разброд царил в умах, сознании, взглядах людей, которые не понимали и не принимали этих изменений и не знали, как на них реагировать. Отдельная история — реакция творческой, литературной среды. Мнения и позиция богемы получили своё отражение в возникновении множества модернистских литературных течений, многие из которых были направлены против существующей власти и вообще — против всего. Анархия, лозунг — «Искусство должно быть отделено от государства» — зачастую были главенствующими в литературе.

Ростов-на-Дону в начале века был открыт для творческой интеллигенции, которая мигрировала из Петрограда и Москвы на относительно спокойный юг. Город был своеобразным «узлом», связывающим литературный центр с провинцией. И эта самая провинция была интересна, необходима центру как источник новых свежих творческих сил и вдохновения.

В городе в те годы жили и творили Анатолий Д'Актиль, Евгений Шварц, Вера Панова, Мариэтта Шагинян, Нина Грацианская... А в гости к ним приезжали Есенин и Маяковский, Мариенгоф и Мандельштам, Хлебников и Аверченко.

В 1920 году Рюрик Рок создал при ростовском отделении СОюза ПОэтов секцию ничевоков, к которой примкнула юная Сусанна Чалхушьян. Почему к ничевокам? Может быть, просто потому, что она влюбилась и вышла замуж за «главного ничевока» — Рюрика Рока.

В Российское СТАновище Ничевоков входили Илья Березарк, Вениамин Жак, художник Мане-Кац. РОСТАН активно сотрудничал с «Театральной Мастерской», актёрами которой были ничевоки Александр (Азций) Ранов, Михаил Геринг и Рюрик Рок, Велимир Хлебников, Евгений Шварц. Они проводили вечера и выступали перед публикой в кафе «Подвал поэтов», находившемся в доме № 46 в переулке Газетном. Именно работой Мане-Каца «Портрет Велемира Хлебникова» был украшен «Подвал поэтов», когда поэты-актёры ставили хлебниковскую пьесу «Ошибка смерти» с участием автора.

В своих воспоминаниях Вениамин Жак (1905–1982, поэт, переводчик) писал: «...А надо сказать, что среди “сопозцев” Ростова было немало по-настоящему талантливых людей, ставших впоследствии заметными литераторами. Георгий Шторм, Леонид Ленч, Иосиф Юзовский. Сусанна Мар, Михаил Блейман... Почти все они начинали свой литературный путь как поэты».

За три года своего существования ничевоки смогли выпустить лишь два небольших альманаха: «Вам» и «Собачий ящик» (в двух изданиях) и две книги стихов Рюрика Рока.

В июле того же 1920 года в наш город приехали Сергей Есенин и Анатолий Мариенгоф, чтобы организовать отделение Всероссийского союза поэтов. Встреча с ростовскими литераторами состоялась 21 июля в кинотеатре «Колизей» (позже — «Буревестник») на углу ул. Большой Садовой и Большого проспекта (ныне пр. Ворошиловский). Именно на этом вечере Сусанна познакомилась с Мариенгофом, в которого вскоре влюбилась. Можно предполагать, что и псевдоним её именно отсюда — первые буквы фамилии Анатолия МАРИенгофа.

Новое увлечение побудило Сусанну объявить о своём выходе из группы ничевоков и вхождении в группу имажинистов. Она сделала это в сборнике «Собачий ящик». В том же издании Рюрик Рок дошёл до сведения «...всех граждан РСФСР, что расторгает свой брак с Сусанной Мар не потому, что у неё роман с Мариенгофом, в потому, что она ушла из Ничевоков».

Анатолий Мариенгоф (1897–1962, поэт, теоретик искусства, прозаик и драматург, мемуарист) работал в ту пору ответственным литературным секретарём в издательстве ВЦИК. Там-то и состоялась судьбоносная для него встреча с Сергеем Есениным. Вместе с Вадимом Шершеневичем они основали поэтическое объединение имажинистов, утверждая главенство образа над смыслом. Позже к ним присоединились Иван Грузинов, Александр Куликов, Матвей Ройзман и другие поэты.

«Уже в декабре 1920 года, — писала С. Мар в «Автобиографии», — я переехала в Москву и была принята во Всероссийский союз советских поэтов. Выступала со своими стихами в кафе “Домино” и “Стойло Пегаса” и в Политехническом институте, и во всех других местах».

2 июля 1921 г. на авторском вечере Сусанны Мар и Надежды Вольпин (1900–1998) в кафе «Стойло Пегаса» присутствовал Сергей Есенин. Надежда Давыдовна Вольпин (российская переводчица,

поэтесса-имажинист, мемуарист, фактическая жена С.А. Есенина) приводит в своих воспоминаниях слова Айседоры Дункан: «В Москве есть два красивых человека: Сергей Есенин и Сусанна Мар». От себя Надежда Давыдовна добавила: «Сусанна поистине справочное бюро! К ней, как по речкам в озеро, стекается всяческая информация». Поэт Рюрик Ивнев считал, что «женщины типа поэтессы Сусанны Мар остроязычные и практические...».

Вадим Габриэлевич Шершеневич (1893–1942, русский поэт, переводчик, один из основателей и главных теоретиков имажинизма) вспоминал: «Близко к нам, вернее, к одному из нас, с отчётливым пробором, была Сусанна Мар, девушка из Ростова, с точёным лицом и неплохими стихами. Сусанна Мар много пишет про руки, но все эти руки не её, а её возлюбленного Мариенгофа».

Благослови меня, Анатолий,
Отречения душен путь,
Словно стихи, зачитанные в «Стойле»,
Знаю руки твои наизусть.

Творчество Сусанны Мар отличала мягкая лиричность и неприязательность. Она была увлекающейся провинциалкой и, возможно, эта её провинциальная непосредственность и накладывала отпечаток на её творчество. Её стихи легко читаются и заставляют, даже читая их «про себя», покачиваться в такт, подражая манере чтения поэтесс того времени.

Всё забыла и лето, и осень,
Твои губы отрадней весны.
Лёгкий ветер далёко уносит
Пыль золотую ресниц...

Напомню Вам, сударыня, что слово-метафора является основой имажинизма. В своей Декларации имажинисты утверждали, что «единственным законом искусства, единственным и несравненным методом является выявление жизни через образ и ритмику образов... Образ, и только образ <...> — вот орудие производства мастера искусства... Только образ, как нафталин, пересыпающий произведение, спасает это последнее от моли времени. Образ — это броня строки. Это панцирь картины. Это крепостная артиллерия театрального действия. Всякое содержание в художественном произведении так же глупо и бессмысленно, как наклейки из газет на картины». Да, именно — «ритмика образов» свойственна раннему творчеству

С. Мар. Её стихи могут служить великолепным «наглядным пособием» лекций о метафоричности поэзии:

За любовь, за ласки, за улыбки
В переплёте радостном греха,
Расплачусь за все свои ошибки
Звонкою монетою стиха.

В результате романа Сусанны и Анатолия появилась первая и единственная авторская книга стихов поэтессы «АБЕМ» (М., 1922). Исследователи расшифровывают название книги как «Анатолий Борисович Есенин-Мариенгоф».

«Образ — это броня строки». Этому постулату Сусанна следует неукоснительно. И у неё это работает! Образы опутывают нас, погружая в невидимый кокон слов, рифм, заставляя сосредоточиться на деталях, которые в другом случае играли бы роль фона. Но у Мар — это главное:

Причаститься бы губ твоих, Анатолий,
Тяжко умирать грешницей.
Со Святыми Дарами «Бесед Застольных»
Соборуешь ли дни крошечные...

Образы перетекают из одного стихотворения в другое, формируя канву книги. И канва эта состоит из слов любви к её избраннику и кумиру.

К распятью рук кипарисному
Приложиться в последний раз,
Даже у Елены не видел Парис
Таких голубых глаз...

Она воспеваает свою любовь, уверовав, что Мариенгоф для неё — бог! Но, обожествляя, Сусанна тем самым отдаляет его от себя. В её стихах он — что-то недостижимое, о чём можно только мечтать, созерцая издали, и восхищаться:

Янтарём пронизаны ладони,
С кончиков пальцев сочится сказ.
В этой жизни, сошедшей со сцены Гольдони,
Рисовал тебя какой Богомаз?..

Несмотря на поэтическую натуру, Сусанна была девушкой достаточно серьёзной, практичной. Она выросла и как человек, и как поэт. Поэтому роман с Мариенгофом был недолог, хотя и пло-

дотворен в смысле поэтическом. Она прощается с ним своими стихами, понимая, что всё уже позади и обратной дороги нет.

Осушить бы всю жизнь, Анатолий,
За здоровье твоё, как бокал.
Помню душные дни не за то ли,
Что взлетели они, словно сокол.

Так звенели Москва, Богословский
Обугленный вечер, вчера ещё...
Сегодня перила скользкие —
Последняя соломинка утопающего.

В 1921 году Сусанна вышла замуж за Ивана Аксёнова (1884–1935) (*поэт, литературный и художественный критик, переводчик*). Вот что об этом пишет Надежда Мандельштам в своих воспоминаниях: «...Сусанна взяла себе самого нищего мужа, Ивана Александровича Аксёнова, умного и желчного человека, знатока кубизма и Шекспира. Она никогда его ничем не обидела, а жили они в комнате с потолком, подпёртым балками, чтобы он не обрушился на голову. Яркая и болтливая Сусанна была одной из редкостных женщин, равнодушных к домостроительству и благополучию...».

Они встретились на одном из мероприятий цикла «Литературных судов», где Аксёнов выступал как «гражданский истец». Сусанна обратила внимание на мужчину с окладистой рыжей бородой и умными пронзительными глазами. Иван Александрович иронизировал над стихами современников. Приводил много доводов о несостоятельности того или иного направления и защищал свой конструктивизм. Мар была с ним не согласна. Она пыталась отстаивать свою позицию имажинистки. Но, видимо, доводы Аксёнова были сильнее...

Февральская погода непредсказуема. И яркое морозное солнечное утро резко сменил пасмурный полдень с мелким снежком. А мы всё шли, и я чувствовала пальцы незнакомца на своей руке. А он продолжал:

— Выйдя замуж за Аксёнова, видного литературоведа, первого ректора Высших Театральных мастерских, Сусанна из богемной поэтессы превратилась в очень серьёзную переводчицу с польского, английского, армянского и других языков.

В литературном багаже поэтессы переводы произведений поэтов туманного Альбиона для «Антологии новой английской

поэзии» (1937, Ленинградское отделение Гослитиздата). Перу Сусанны Григорьевны принадлежит около тридцати переводов для этого сборника. В том числе: Гилберта Кит Честертона, Йейтса Уильяма Батлера, Уолтера Де ла Мара, А.Э. Хаусмана, Редьярда Киплинга, Роберта Грейвза, Эдмунда Блендена. Её переводы можно скорее назвать переложениями, так как переводила она, по словам современников, небрежно, но в то же время изящно. Однако это достаточно спорное утверждение. Давайте сравним перевод стихотворения Гилберта Кит Честертона «Осёл», сделанный С. Мар, с подстрочником. Видно, что перевод Сусанны Григорьевны очень похож на оригинал, хотя и отличается синтаксически. Можно видеть, что поэтесса достаточно бережно относится к тексту оригинала. Вот подстрочник двух строк этого стихотворения:

Когда рыбы летели и гуляли леса
И фиг вырос на шипе,
Какой-то момент, когда луна была кровью,
Тогда наверняка я родился.

С чудовищной головой
и отвратительным криком
И уши, как странные крылья,
Ходячая пародия дьявола
На все четвероногие вещи.

А вот перевод Сусанны Мар:

Летали рыбы, лес гудел,
Увидели фиги тёрн,
И встала красная луна,
Когда я был рождён.

Ужасный вид и гадкий крик,
И уши — крыльев взмах,
Брожу я — дьяволу двойник,
На четырёх ногах.

Мар также была составителем-переводчиком сборника литовской поэзии «Дорога в Литву», вышедшего в 1944 году в Москве, переводила стихи удмуртского поэта Флора Васильева.

...Мы шли по заснеженному городу, я внимала рассказу незнакомца, боясь перебить его неосторожным словом или даже движением:

— Главным трудом Сусанны Григорьевны и лучшим, «эталонным» переводом считается её интерпретация поэмы Адама Мицкевича *«Пан Тадеуш, или последний наезд в Литве. Шляхетская история 1811–1812 годов в двенадцати книгах, писанная стихами»*, сделанная ею в 1949 году. Отдельным изданием в переводе С. Мар поэмы была издана в 1956 году. Эта эпическая поэма — крупнейшее произведение Мицкевича, — написанная в 1832–1834 годах, состоит из 12 частей общим объёмом почти в 10000 строк.

Сусанне удалось сохранить, донести до читателя специфические особенности переводимого текста и в то же время адаптировать его к русскому языку. У неё получилось выразить цветовую насыщенность образов и пейзажей, юмор и сарказм, заложенный автором в повествование, обрисовать быт и привычки польской шляхты и показать обречённость шляхетских устоев в меняющемся мире. Но больше всего ей удалось описания природы, природных явлений, чему способствовало её увлечение имажинизмом, умение искать и находить удачные сравнения:

...На скатерти полян, как винная посуда, —
Грибов серебряных, червонных, жёлтых гряда.
Не сыроежки ли, как чарочки лесные
С искрящимся вином, цветные, расписные?
Бычки, похожие на брошенные кружки,
Как рюмочки, блестят в сырой траве горькушки,
И, словно молоком наполненные чашки,
Белянки круглые скрываются в овражке;
Поодаль дождевик разбух от чёрной пыли,
Не перечница ль он? В траве поганки были,
Хоть безымённые, а всё ж ходили толки,
Что дали имена им русаки и волки.
К тем заячьим грибам никто не прикоснётся.
А если, ошибаясь, в лесу на них наткнётся —
То, растоптав ногой досадную поганку,
Посадит он пятно на светлую полянку...

Адам Мицкевич любит своих героев, любит свою страну и её обычаи. Но прекрасно понимает, что многое уже устарело, должно уйти и дать место новому, современному, — порядкам, моде, законам... Сусанне Григорьевне как никому удалось передать замысел автора.

Сусанна была разной, неоднозначной. Кому-то нравилась, кому-то — нет. Кто-то был в восторге от её творчества, а кто-то не понимал и не принимал. Это нормально, так и должно быть.

Надежда Яковлевна Мандельштам очень тепло отзывалась о Сусанне Мар. В своих мемуарах она писала: «...Сусанна Мар (Чулхушьян), озорная “ничевочка” с классически прекрасной головой и чуть короткими, как бывает у армянок, ногами. Сусанна непрерывно молола чушь, но её трепотня таинственным образом не разрушала, а укрепляла человеческие связи. Она издевалась надо мной, что Оська меня держит взаперти и никуда не пускает, и сама же — неизвестно каким трюком — убеждала не брыкаться...

...<Она была>... легкомысленной и дикой, которая не заняла никакого положения в советской литературе и не боялась сотрясения основ вроде напечатания Мандельштама. Она рано умерла и, говорят, писала живые и настоящие стихи.

...Мне не пришлось сказать ей, как сладко услышать человеческий голос и добрые слова...

...Сусанну Мар я вспоминаю с благодарностью и любовью... За Сусанну, Ивана Аксёнова “я в ночи советской помолюсь”...»

...Закончилась Садовая, мы пересекли Театральную площадь и попали в Нахичевань, на почти нетронутые временем тихие улочки. Один поворот, другой, ещё один. И вот я стою перед храмом Святого Карапета, на Армянском кладбище².

Внезапно перестаю ощущать руку старика на своём локте, оглядываюсь. Рядом со мной никого нет. Только тёмный силуэт в белой пелене снега удаляется, скользя по тропинке между надгробными плитами...

ИСТОЧНИКИ:

1. Гордеева Н.М. Литературный Ростов 20-х годов. Изд-во РГУ, 1967.
2. Грузинов И.В. Маяковский и литературная Москва. В сб.: Московский Парнас: кружки, салоны журфиксы Серебряного века (1890–1922) / Сост.: Т.Ф. Прокопова. М., «Интелвак», 2006 г.
3. Вениамин Жак. «Старый клён», «Дон». 1971 г., № 1. С. 181–186.
4. Мандельштам, Н. Собрание сочинений в двух томах. — Екатеринбург: Гонзо (при участии Мандельштамовского общества), 2014.
5. <https://vikent.ru/enc/3203/>
6. <https://www.svoboda.org/a/461977.html>

Ростов-на Дону

² Урна с прахом Сусанны Мар покоится на Армянском кладбище Ростова-на-Дону рядом с могилой матери. Прим. автора.